

са). И, следовательно, связность оборачивается своей противоположной стороной – членимостью текста.

Резюме

В статье рассматривается таксисная техника связности (1) на уровне простого осложненного и (2) сложного предложения, а также на (3) уровне текста. Таксис понимается как совпадение/несовпадение по каждой из трех предикативных категорий. На уровне текста таксисная техника обеспечивает, во-первых, связность регистрового композиitiva, во-вторых, во взаимодействии с субъектной организацией текста, членимость текста.

Елена Никитина

Москва,
ИРЯ РАН

«Другие» в синтаксической конструкции, в образной системе и в развитии сюжета¹

Название предлагаемой статьи отсылает к двум известным работам Т.В. Булыгиной (1990) и Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева (1997): «Я, ты и другие в русской грамматике», «Я, ты и другие в русском синтаксисе», в которых рассматривались русские «односоставные» предложения, организованные предикатами 2-го л.ед. и 3-го л.мн./прош.мн., в прагматическом, интерпретационном аспекте. Слово «другие» у Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева прочитывается в двух значениях: (1) как указание на незакрытый ряд местоимений (*я, ты* и другие местоимения, своеобразное разветвление сокращения «и др.»), (2) как субъекты 3-го л., противопоставленные говорящему, что и получило освещение при анализе предложений, которые в русской грамматической традиции называются неопределенно-личными (типа *В дверь постучали*).

Ниже пойдет речь о «других» во втором понимании, то есть о языковых средствах, с помощью которых осуществляется деление мира на *Я* и не-*Я*: разграничиваются индивид и общество, личность и толпа, *Я* и все остальные, *Я* и другой (возлюбленная/возлюбленный, соперник, визави) и др.

Противопоставленность *Я*-субъекта всем другим субъектам разрабатывалась в лингвистике с самых разных точек зрения – взаимодействие лексической семантики глагола и категории лица (ограничение на глагольную парадигму), в семантической типо-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 12-04-12064).

логии простого предложения (связь между семантикой предиката и типом субъекта), в рамках речевого акта (перформативы), в художественном тексте (совпадение/ несовпадение 1-го и 3-го л. в связи с формированием внутренней/ внешней точки зрения).

Настоящая статья посвящена неопределенно-личным предложениям в художественном тексте. Задача – проследить, как реализуются категории индивидуальности/ неиндивидуальности субъекта и акциональности предиката в неопределенно-личных предложениях в художественном тексте. На уровне текста это выражается в способности субъекта развивать сюжет, осуществлять действия, продвигать сюжетное время к развязке. Помимо этого, ставится задача рассмотреть другие средства выражения неиндивидуальных субъектов («других») в рамках конкретных художественных текстов, в которых сама тематика предполагает деление и противопоставление героев.

Семантическая категория индивидуальности, предложенная Ю.С. Степановым², является результатом семантического наложения, соединения именных категорий числа, одушевленности/ неодушевленности, личности/ неличности и местоименной категории лица. Самый высокий ранг при классификации субъектов по степени индивидуальности получает Я-субъект, самый низкий – предметные субъекты. Со степенью индивидуальности связана степень агентивности. В самом деле, способностью к выполнению действия (характеризующегося такими признаками, как воля, сила, динамика, контроль, целенаправленность) располагают более индивидуальные субъекты (одушевленные, личные, единичные, персонализированные), однако наблюдения над синтаксическими единицами разных уровней в рамках залога показывают, что максимумы агентивности и индивидуальности могут не совпадать³. (1) Более динамическая синтаксема Тв. субъектively менее индивидуальна, более статическая субъектная синтаксема у+Род. более индивидуальна: первая организуется именами испол-

² Ю.С. Степанов: *Имена. Предикаты. Предложения*. Москва 1981.

³ См. Е.Н. Никитина: *Семантика акциональности и залог*. В: *Вопросы русского языкознания*: Сб. Вып. XIV. Грамматика и текст (К юбилею Галины Александровны Золотовой). Ред. Н.К. Овипенко. Москва 2011, с. 44–58.

нительской (сближающейся с орудийной) семантики и встраивается в предложения с акциональными предикатами, вторая обычно организуется собственными (индивидуальными) именами и личными местоимениями и подавляет акциональность предиката, ср.: *Передняя дверь открывается водителем (эмою) по требованию – У меня дверь не открывается.* (2) Семантика неопределенно-личности, потери контроля над действием, выражаемая сов.в., представлена в конструкции с более индивидуальными субъектами: *У меня дверь не открылась (= не получилось) – ?Дверь водителем не открылась.* (3) Возвратно-инволютивные предложения несут семантику состояния и предполагают субъекта в Дат. (синтаксема субъекта состояния Дат., часто выражаемая нулем, является средством создания внутренней точки зрения): *(Мне) не спится, Здесь хорошо работает.* В данном типе предложения смыкаются максимум индивидуальности (только Я-субъект) и отсутствие акциональной семантики: если предикатом является глагол действия, то он меняет свою акциональную семантику на стативную, если же глагол состояния, то он подтверждает в рамках данной конструкции свое категориальное значение (состояние).

Рассмотрим, как реализуется семантика индивидуальности и агентивности в субъектах неопределенно-личных предложений. Типология субъектов неопределенно-личных предложений имеет непосредственное отношение к образам в художественном тексте, к смысловым отношениям между субъектными сферами.

В поэтическом тексте, в котором предьявляется конфликт между лирическим Я и целым светом, неопределенно-личное предложение может включаться в систему грамматических и лексических средств, предьявляющих не-Я, «других». В следующем стихотворении М. Цветаевой⁴ можно видеть смысловые вариации на тему русской конструкции *Меня зовут...*:

⁴ Следующий ниже анализ стихотворения является разбором его лексики и грамматики и не предполагает обращения к жизненным сюжетам, связанным с М. Цветаевой с ее современниками, а также интерпретации интертекстуальных связей стихотворения.

Люди на душу мою льстятся,
 Нежных имен у меня – святцы,
 А восприемников за душой
 Целый, поди, монастырь мужской!
 Уж и священники эти льстивы!
 Каждый-то день у меня крестины!
 Этот – орленком, щегленком – тот,
 Всяк по-иному меня зовет.
 У тяжелейшей из всех преступниц –
 Сколько заступников и заступниц!
 Лягут со мною на вечный сон
 Нежные святцы моих имен.
 Звали – равно, называли – равно,
 Все называли, никто не назвал.

Эта конструкция формально является неопределенно-личным предложением с утраченной акциональностью в предикате и сближается с именными (биноминативными) конструкциями, ср.: *Меня зовут Маша – Я Маша; Мое имя – Маша*. Цветаевское стихотворение построено таким образом, что в нем собираются средства однородной семантической сферы – в области предиката это глаголы называния, в области субъекта это средства эксклюзивности по отношению к субъекту речи, которые обладают общими признаками «третьеличность», «множественность», «нереферентность», «неопределенность». В соединении с конкретными средствами называния субъекта, в связи с собственной лексической семантикой и в связи с конкретной реализацией категорий времени и вида глаголы называния приобретают разные степени акциональности.

Ставя *звать* в ряд других глаголов называния, поэт оживляет его первичное категориальное значение – действие, и вместе с ним воссоздается ситуация крестин (*священник, восприемник, святцы, заступники* (святыя)), при этом ситуация предстает как повторяющаяся (отсюда мн.ч. и несов.в.). Эта ситуация становится метафорой межличностных отношений (в которых объектом воздействия со стороны окружающих могут являться разные ипостаси лирического Я – могущая проявиться в любви, женская, творческая...).

В стихотворении два неопределенно-личных предложения, которые входят в один ряд со следующими: *Этот, тот, всяк зовет; Звали; Называли; Все называли; Никто не назвал*. Эта серия организована предикатами – глаголами именования (*зовет, звали, называли, не назвал*) и субъектами – кванторными местоимениями (*всяк, все, никто и 0_{звн}*) и указательными местоимениями (*этот, тот*) в отсутствие анафорических связей. Ряд субъектов может быть расширен за счет именных номинаций тех, кто пытается найти имя поэту, – это неиндивидуальные, неререферентные существительные (мн.ч.) в прямом или метафорическом значении *люди, восприемники, священники* и собирательное *монастырь мужской* – одновременно и с метафорическим, и метонимическим переносом. Семантика количественности (множественности) усилена за счет частиц: *целый монастырь мужской; сколько заступников и заступниц!*

Все перечисленные в стихотворении предикаты называния имеют большую степень акциональности, чем в стандартной конструкции именования *Меня зовут...* Этому способствует ряд факторов:

- 1) семантика глагольной основы (акциональные: *называть, называть – неакциональный: звать*);
- 2) дискретность в значении кванторного местоимения (*всяк зовет – ср.: Меня зовут...*), дискретность в местоименном ряду (*этот, тот, всяк зовет*), которая придает временную динамику ситуации;
- 3) конкретная временная локализация, которую задает форма прош.вр., ср.: *Меня звали...* (более акционально) – *Меня зовут...* (неакционально);
- 4) В конструкции *Всяк зовет...* (*орленком, щегленком*) представлен единственно возможный Тв. предикативный (в отличие от Им./ Ть. в *Меня зовут Маша/ Машей*), что подчеркивает выбор, волю, субъективизм называющих (Им. предикативный связан с «объективностью» имени)⁵, а тем самым обнаруживает большую акциональность глагола.

⁵ См. Е.Н. Никитина: Конструкции с именительным и творительным предика-

Повышение «акционального фона» можно интерпретировать в связи с изображением усилий, которые прилагают окружающие люди, чтобы назвать, а тем самым привлечь, приблизить к себе, понять поэта. В синтагматическом столкновении предложений *Звали равно* – *Называли равно* могут противопоставляться: (1) два возможных варианта называния окружающими поэта – единственное, «объективное» и «равное» для всех окружающих имя, данное человеку (поэту) при рождении (крещении), и особые именовании (*Щегленок, орленок...*⁶), в которых выражаются попытки окружающих понять сущность поэта; (2) *звали равно* в значении «приглашали, просили об одном и том же» и *называли равно* в значении «давали разные имена» (чтобы получить желаемое).

По категории времени противопоставляются реальное настоящее, данное формами наст. вр. (*льстятся, зовут*) и безглагольными предложениями, и будущее. Будущее предстает сначала в форме грамматического буд. вр. (*лягут на вечный сон*), а в последнем двустишии подводится итог с позиций будущего, в котором уже нет самого поэта; здесь время поэта и его современников предстает как прошлое и выражено формами прош. вр.: прош. несов. вида в имперфективной (процессуальной) функции (*звали, называли*) и прош. сов. вида в перфективной (результат действия, совершенного в прошлом) функции (*не назвал*). Так формируется «свершившееся будущее»: поэт смотрит на себя и современников со стороны, с точки зрения будущего, оценивает усилия окружающих и констатирует отсутствие результатов этих усилий посредством отрицательной конструкции с глаголом сов. вида (перфект) и отрицательным местоимением: поэт никто не приблизил к себе, не понял (*никто не назвал*).

⁵ *Тивным в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматических категорий)*. В: *Вопросы языкознания*. Москва 2011. № 6, с. 3–28. Интерпретация выбора Им./Тв. предикативного в связи с функционально-прагматическим подходом к имени – автономность/ предикативность, «цитирование/ использование» – предложена в работе А.Д. Шмелев: *Именование и автономность имени*. В: *Слово. Грамматика. Текст*. Москва 1996.

⁶ Обсуждать значение и значимость этих именовании, которые связаны с творческой стороной личности М. Цветаевой, не входит в задачи настоящего анализа.

В свое время, занимаясь семантикой и прагматикой неопределенно-личных предложений, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев⁷ ввели нулевой субъект $0_{\text{лич}}$ в систему русских личных местоимений. Н.К. Онипенко показала, что семантика личности содержится на таком нуле с семантикой кванторности⁸. На уровне текста это находит отражение во взаимодействиях предложений (в совместной встрече чужаемости) неопределенно-личных предложений со всем спектром кванторных местоимений, в чем проявляется «семантическое согласование» на уровне текста.

Обращение к нарративным текстам разного времени позволяет выстроить типологию субъектов неопределенно-личных предложений с точки зрения количественного состава, референтного статуса, индивидуальности и агентивности.

Известно, что неопределенно-личные предложения в текстах XVIII–XIX вв. могут обозначать *слуг, исполнителей* (изображающих с точки зрения дворянского героя), которые не имеют личностных, индивидуальных черт, часто не имеют конкретно-референтных характеристик, не являются инициаторами действия и уподобляются инструменту, обслуживающему героя (ср. с семантикой субъектной синтаксемы Тв. при возвратно-страдательных предикатах). См. примеры: *Француз камердинер подал ему банюшки с красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шитый блестками; в передней наскоро пудрили парик, его принесли* (Пушкин, Арап Петра Великого); *Кресла с бабушкой прямо опустили посредине кабинета, в трех шагах от генерала* (Достоевский, Игрок).

Неопределенно-личными предложениями может выражаться определенный, конкретно-референтный индивидуальный субъект, изображаемый с точки зрения героя, который находится в фокусе авторской эмпатии (автор солидаризируется с героем): *Он едет, лишь вошел... ему / Она навстречу. Как сурова! Его не ви-*

⁷ Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев: *Языковая конкретизация мира (на материале русской грамматики)*. Москва 1997. с. 349–352.

⁸ Н.К. Онипенко: *Классификация эзотерических элементов и субъектная перспецива высказывания. В: Проблемы функциональной грамматики. Принципы естественной классификации*. Ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. Москва 2013.

дят, с ним ни слова (Пушкин, Евгений Онегин)⁹. В данном случае субъект неопределенно-личного предложения обнаруживает субъекто-индивидуальные черты, соответствуя по социальному рангу герою-протагонисту и являясь сюжетно значимым лицом, **антагонистом** главного героя. Форма множественного числа в этом случае не может реализовать значение ближайшей семантической зоны – неопределенности (так называемое «неопределенное множественное» число), потому что значение неопределенности, потенциально выражаемое граммемой множественного числа, вступает в противоречие с конкретно-референтным, определенным статусом референта нулевого субъекта в предтексте (Татьяна в примере из «Евгения Онегина»). Такое взаимоисключающее взаимодействие грамматических категорий лежит в основе художественного приема: когда нет условий для осмысления формы в прямом грамматическом значении, ее семантика переводится в план поэтики (для изображения ощущаемой герою холодности, снисходительности и пренебрежительности со стороны антагониста). Наложение формальной множественности в неопределенно-личной конструкции и семантической определенности агенса становится основанием для формирования семантики отчужденности¹⁰ между субъектом диктума (неназванным агенсом) и субъектом модуса (тем, кто находится в фокусе эмпатии) и для передачи «личностных конфликтов». В повести Чехова «Дуэль» во внутренней речи Лаевского накануне дуэли с фон Кореном неопределенно-личные предложения являются средством выражения личностного конфликта, однако под этой маской может обнаруживаться **неличная высшая сила**, управляющая судьбой, см.: «Убьют ли его завтра утром, или посмеются над ним, то есть оставят ему эту жизнь, он все равно погиб». Представляется, что выбор неопределенно-личных предложений способствует снижению, с точки зрения субъекта сознания (Лаевского), ранга агенса (неличной высшей силы) до личност-

⁹ См. интерпретацию в работе: Т.В. Булыгина: *Я, ты и другие в русской грамматике*. В: *Res Philologica*. Москва, Ленинград 1990.

¹⁰ См. о семантической категории «чуждости» А.Б. Пеньковский: *Очерки по русской семантике*. Москва 2004.

ного и тем самым их уравниванию, ср. с героями поэм Байрона, которые стремятся вести себя с Богом как с личным противником. Однако за несколько часов, отделяющих чеховского героя от дуэли, он проходит путь от безнадежности к смирению и желанию жить (от «он все равно погиб» к «ему хотелось вернуться домой живым»), в последние секунды перед отъездом из дома к месту дуэли появляется и прямая мысль о Боге: «Глядя на нее молча, Лаевский [...] подумал, что если небо не пусто и в самом деле там есть бог, то он сохранит ее; если же бога нет, то пусть она погибнет, жить ей незачем» (Чехов, Дуэль).

Разграничение исполнителей-инструментов и героев-антагонистов позволяет интерпретировать возможности субъектов разных индивидуальных рангов в движении сюжета. Эти возможности принципиально не существуют либо ограничены в первом случае, что предопределяется самой неиндивидуальной и вспомогательной ролью субъекта, во втором случае такие возможности существуют, что обусловлено индивидуальным и персональным статусом субъекта.

Однако в нарративе XX в. допускается и другая ситуация: во-первых, герой вне авторской эмпатии, во-вторых, личностные полномочия (воля, цель, исполнение), а тем самым способность развивать сюжет передается неиндивидуально герою – некоторой недифференцированной массе; об этом может свидетельствовать рассказ Т. Толстой «Соня». Характеристикой такого неиндивидуального героя является реальная множественность (в отличие от *Его не видят, с ним ни слова...*). В рассказе Т. Толстой неиндивидуальность, недифференцированность (или слабая дифференцированность) и множественность не становятся препятствием для того, чтобы сформировать сквозного неиндивидуального героя, претендующего на одну из главных ролей в развитии событий (обычно динамика времени реализуется индивидуальным героем).

Рассказ Т. Толстой насквозь литературен, построен на изысканных литературных аллюзиях – к произведениям Г.Х. Андерсена, Г. Флора, Ф.М. Достоевского. Эмалевая брошь в виде голубка, принадлежащая героине рассказа, Соне, вызывает аллюзии к литературным произведениям, герои которых стали сим-

волами сильной, неустанной и нескончаемой любви, – от стойкого оловянного солдата до Фелисите из «Простой души». Ср.: «На другой день служанка стала выгребать из печки золу и нашла маленький комочек олова, похожий на сердечко, да обгорелую, черную, как уголь, брошку» (Г.Х. Андерсен, Стойкий оловянный солдатик). – «Скорее всего она (Ада) бросила эту пачку в огонь [...] и, может быть, робко занявшись вначале, затем быстро чернея с углов, и, наконец, взвившись столбом гудящего пламени, письма согрели, хоть на краткий миг, ее скрюченные, оконечившие пальцы. Пусть так. Вот только белого голубка, я думаю, она должна была оттуда вынуть. Ведь голубков огонь не берет» (о нестареющей металлической броши героини; Т. Толстая, Соня). Эмалевый голубок, вечный спутник Сони, вызывает ассоциацию с попугаем Лулу, обожаемым своей хозяйкой Фелисите и превращенным ею после смерти в чучело, а затем вознесенным ею до Святого духа («Бог-отец не мог сделать своим посланцем голубя – ведь голуби не умеют говорить, – вернее всего, он избрал предка Лулу» – Флобер, Простая душа), а сама Соня становится новым воплощением «простой души», Фелисите. Обращают на себя внимание такие персонажные параллели между «Бесами» и «Соней», как несчастная доля и характер «безумных» героинь – Марьи Тимофеевны и Сони, наличие полумифического мужа Лебядиной и мифического «возлюбленного» Сони по имени Николай (Николай Ставрогин в «Бесах» и вымышленный, в ходе разработки «адского планчика», Николай в «Соне»).

С точки зрения образной системы и работы грамматических категорий рассказ представляется в определенной степени парадоксальным, его можно рассматривать как грамматический эксперимент. Неиндивидуализированный герой-масса – антагонист главной героини Сони, компания, имеющая некоторую социальную, географическую и временную характеристику (круг интеллигентных друзей в Ленинграде довоенных лет). Поскольку таковой герой лишен индивидуальности, к нему неприложимо имя собственное, и автор решает вопрос о номинации героя. Этот необычный герой получает номинацию за счет, во-первых, не-

индивидуальных имен, индивидуальных (собственных) имен в особых условиях употребления и, во-вторых, за счет конструкций с синтаксическим нулем (в эту систему средств включаются и неопределенно-личные предложения). Среди них есть средства, формирующие как внешнюю точку зрения (это ожидаемый прием), так и внутреннюю (прием неожиданный)¹¹:

1. количественно-собирательные имена и сущ. во мн.ч.: *смеющаяся компания, общество; участники эпистолярного романа*
2. кванторные местоимения (в том числе отрицательные): *все шумной компанией отправляются на какое-нибудь неотложное увеселение; И все радовались: ну не прелесть ли?! Ясно одно – Соня была дура. Это ее качество никто никогда не оспаривал, да теперь уж и некому, а также указательные местоимения в рамках конструкции т...к...: Потом умерли и те, кто так говорил...*
3. реляционные имена в отсутствие конкретизатора: *спрашивала Соня у растерянного мужа, перегнувшись через его помертвевшую жену = «муж жены»;*
4. серии собственных имен без индивидуализированного избрания называемых: *Они собрались большой компанией – Ада, Лев, еще Валериян, Сережа, кажется, и Котик, и кто-то еще – и разработали уморительный план...*
5. Средства для номинации нереперентных субъектов: *субстантивные причастия: уже просвечивают марлей спины сидящих; существительные, называющие «контуры тела»: все-лая смеющаяся фигура.*

6. нулевой субъект:

а) Тв. субъектный при возвратных предикатах ментальной и социальной семантики:

Впрочем, по прошествии некоторого времени, когда уже выяснились и Сонина незаменимость на кухне в предпрядничной суете, и швейные достоинства, и ее готовность погулять с чужими детьми...; Так что это всегда поручалось ей;

¹¹ Подробно о синтаксических и лексико-семантических нулях как средствах эгоцентрической текстовой техники см. Н.К. Ошпенко: *Указ.соч.*

- б) Им. неопределенно-личного предложения:
 - *А вы, Соня, – сказали ей (должно быть, добавили и отчество, но теперь оно уже безнадежно утрачено), – а вы, Соня, что же не кушаете?*
 в) Дат. (или для+Род.) в предложениях с предикативами состояния и модальными модификаторами можно, нельзя: *Вкусно, и давало повод для шуток. Она любила детей, это ясно, и можно было поехать в отпуск, хоть в Кисловодск, и оставить на нее детей и квартиру...; при глаголах состояния: Потом за-
 тая стала надождать;*
 г) Род. или посессив при девербативах: *голоса, смех, при именах партитивной семантики: проклятый Николай каторжным ядром нутался под ногами, при терминах родства: страшивала Соня у растерянного мужа;*
 д) Тв. субъектный при страдательных причастных предикатах: *Фантом был немедленно создан, наречен Николаем, обременен женой и тремя детьми, поселен для перениски в квартире Адиного отца;*
 е) невербализуемый субъект, предполагаемый семантикой предиката: *из томной Сони ровным счетом ничего нельзя было вытянуть, никаких секретов; в наперсницы к себе она никого не допускала и вообще делала вид, что ничего не происходит, – надо же, какая скрытная оказалась;*
 7. Еще один прием – неназывание субъекта речи при прямой речи: *Жил человек – и нет его. Только имя осталось – Соня. Помните, Соня говорила... „Платье похуже, как у Сони...“ „Сморкаешься, сморкаешься без конца, как Соня...“; эгоцентрические показатели типа вводных слов, обращений в отсутствие называния их владельца: *Потом вот эту, знаете, требуку, почки, вымя, мозги – их так легко испортить, а у нее вышло дело – пальчики облизжи; Ну что о ней еще можно сказать? Да это, пожалуй, и все! Стало быть, Соня шила... А как она сама одевалась? Безобразно, дразня мои, безобразно!*
 Грамматическая техника, избранная Т. Толстой, такова, что среди перечисленных выше бессубъектных предикатов содержатся как предикаты внешней точки зрения (эксклюзивные, субъект*

которых не может попасть в фокус эмпатии: *поручалось, сказали ей*), так и предикаты внутренней точки зрения (формирующие фокус эмпатии: в частности эмоциональные и ментальные: *выяснилось, надождать, метонимические способы представления субъекта: ноги*). Присутствие средств, формирующих внутреннюю точку зрения, чисто логически можно объяснить сменой голосов, сменой субъектов речи – как будто вспоминают участники самой компании по очереди. Средства внешней точки зрения могут быть объяснены временной дистанцией между моментом речи и вспоминаемым временем¹², пересказом событий и додумыванием от лица автора (который не входит в изображаемый дружеский круг, а пытается разузнать о происходившем до войны и во время войны от уцелевших участников либо духов). Предикаты внешней точки зрения способствуют отстранению читателя от героя, предикаты внутренней точки зрения не приближают. Средства индивидуализации не повышают индивидуальный ранг героя-группы, а средства эксклюзивности, отчужденности от главного героя не создают внутренней точки зрения, сближающей читателя с протагонистом. Тем самым читательские ожидания не оправдываются, если принять в расчет традиционную нарративную технику: неопределенно-личное предложение как средство создания фокуса эмпатии (например, изображение Татьяны с точки зрения Онегина). В результате рождается текстовая техника, которая позволяет создать многоголосье, но не всегда позволяет отождествить субъекта речи (сознания), своеобразное равноправие разных голосов, разных Я. Неразличение авторского Я и они – «запрещенный прием» в традиционном нарративе; для формирования авторской позиции Т. Толстая использует те же средства, что и для изображения «компаний», см., например, партитивное имя: *в голове остался только след голоса (автор) – проклятый Николай каторжным ядром нутался под ногами (компания); нуль Дат. при эмотивном предикате:*

¹² См. Е.Н. Никитина: Акциональность/неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта (к грамматической сущности категории залогов). Канд. дисс. Москва 2008.

